

За что воевала Япония?

Владимир Александрович Гринюк,

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра японских исследований Института Дальнего Востока РАН, Москва.

E-mail: vladimirgrinyuk@mail.ru

В Японии нет единства мнений о том, кто должен нести ответственность за войны 1930—1940-х гг. В обществе этой страны не произошло глубокого критического переосмысления захватнической политики, проводившейся японским милитаризмом до 1945 г. В политических, научных и журналистских кругах сохраняют позиции апологеты милитаризма. Заметным событием в ведущейся в Японии дискуссии об ответственности за агрессивные войны стал выход в 2006 г. книги «От моста Марко-Поло до Пёрл-Харбора. Кто несёт ответственность?». Она стала результатом работы Комиссии по новому изучению проблем ответственности за войны, созданной в августе 2005 г. в редакции крупнейшей японской газеты «Ёмиури». В связи с приближением 70-й годовщины окончания Второй мировой войны в прессе страны вновь активизировалось обсуждение этой темы. В материалах, опубликованных ведущими общественно-политическими японскими журналами в 2014—2015 гг., признаётся ответственность Японии за войны 1930—1940-х гг. Эксперты возлагают вину за милитаристскую политику главным образом на военные круги Японии. Правительство страны последовательно в трактовке исторического прошлого. Остаются нерешёнными проблемы ритуальных посещений японскими политиками синтоистского святилища Ясукуни — символа милитаризма, компенсаций корейцам, подвергавшимся насильственной мобилизации для работы на японских предприятиях во время войны на Тихом океане, а также материального возмещения ущерба корейцам, бывшим сексуальными рабынями в японских вооружённых силах. Это по-прежнему осложняет отношения Японии с другими государствами, прежде всего с КНР и РК.

Ключевые слова: Маньчжурский инцидент, «токко», «гёкусай», храм Ясукуни, «женщины для утешения».

What did Japan fight for?

Vladimir Grinyuk, Centre for studies of Japan of the Institute of Far Eastern Studies, RAS, Moscow, Russia. E-mail: vladimirgrinyuk@mail.ru

There is no agreement in Japan as to who is responsible for the wars of the 1930—1940's. The expansionist policy pursued by Japanese militarism until 1945 has not been rethought deeply and critically. Apologists of militarism have maintained their positions in political, research and journalist circles of this country.

Release of book *Who Was Responsible? From Marco Polo Bridge to Pearl Harbor* in 2006 was a remarkable event in the discussion held in Japan on responsibility for aggressive wars. This was a result of the work performed by the War Responsibility Reexamination Committee created in August 2005 in the editor's office of *Yomiuri*, the major Japanese newspaper. In connection with the oncoming 70th anniversary of the end of World War II, the discussion on this topic in the country's printed media has gained in intensity again. The materials published in the leading Japanese public and political magazines in 2014—2015 admit its responsibility for the wars of the 1930—1940's. The experts blame mainly Japan's military circles for militarist policy of the country. Japanese government is inconsistent in interpretation of its past. The problems of Japanese politicians paying ritual visits to Yasukuni, a Shinto shrine and a militarist symbol, compensations to Koreans subjected to forced mobilization for work at Japanese enterprises during the war at the Pacific, and material damage compensation to former sexual slave women in Japanese armed forces continue to be relevant. As before, they complicate Japan's relationships with other states, primarily with PRC and Republic of Korea.

Key words: Mukden Incident, tokko, gyokusai, Yasukuni shrine, "comfort women".

Проблемы исторической ответственности Японии являются наиболее сложными в её отношениях с другими государствами, прежде всего с Китаем, РК и КНДР. Многие исследователи отмечают, что после Второй мировой войны в японском обществе не произошло глубокого критического переосмысления захватнической политики, проводившейся японскими милитаристами до 1945 г. Авторы «Послевоенной истории японской дипломатии», выпущенной в Токио в 1983 г., подчёркивали: «Многие японцы рассматривали разгром своего государства во Второй мировой войне как поражение в сражениях с Америкой, но не как крах агрессивной политики в отношении народов Восточной Азии» [11, с. 310].

Философ Т. Такахаши пять лет назад писал, что с 1945 г. до начала 1970-х гг. проблема ответственности за войны трактовалась в Японии главным образом как ответственность за неблагоприятно начатую и бездарно проигранную войну против США и их союзников. Лишь после нормализации японо-китайских отношений в 1972 г. в японском обществе стали воспринимать войну против Китая как агрессию, продолжением которой стала война против Америки. Что же касается колониального господства Японии в отношении Кореи и Тайваня, то учёный подчёркивал: «Нельзя отрицать, что лишь очень немногие японцы обладали историческим сознанием, которое позволяло им видеть проблему в неразрывной связи между войнами и колониальным господством» [12, с. 187].

Отрицание ответственности Японии за ведение захватнических войн в некоторой степени распространено в научных и журналистских кругах страны. Так, профессор Университета Мэйсэй, доктор литературы Кобори Кэйити, критикуя тех японских политиков, которые признают вину Японии перед народами других азиатских государств, писал: «Японские

политики не столько защищают свой народ, сколько проявляют уважение к „чувствам народов соседних стран“... То есть заклятие Токийского процесса связывает умственные способности политиков. Но когда идёт война, страдание и ущерб — дело обоюдное. Япония тоже несла потери. А на Токийском процессе судьи пришли к ложному выводу о полнотой агрессивном характере войн, которые вела Япония» [10, с. 188].

Журналисты Бэцумия Данро и Хёдо Нисохати, авторы книги «Разгадывая загадки Токийского процесса», признают, что виновниками событий 18 сентября 1931 г. (провокации, использованной как предлог для захвата Маньчжурии японскими войсками) были офицеры Квантунской армии Кандзи Исихара и Кэндзи Доихара, организовавшие взрыв участка железнодорожного полотна в окрестностях г. Мукдена. Д. Бэцумия и Н. Хёдо также считают, что за начатую в декабре 1941 г. войну на Тихом океане несут ответственность руководители японского военно-морского флота. Однако развернувшуюся в 1937 г. полномасштабную войну между Японией и Китаем авторы определяют как «агрессию Китая против Японии», обвиняют в ней руководителя Гоминьдана Чан Кайши и уверяют, что на Токийском процессе приговоры обвиняемым были вынесены под влиянием мотива «мести» со стороны США и Чан Кайши [8, с. 7].

Сан-Францисский мирный договор, подписанный Японией, включает ст. 11, согласно которой Япония признаёт приговоры Международного Военного Трибунала для Дальнего Востока и других Союзных судов по военным преступлениям. Поэтому выступления официальных лиц Японии, ставящие под сомнение справедливость решений Токийского процесса, в принципе недопустимы. Однако имели место и такие случаи. 31 октября 2008 г. начальник штаба Воздушных сил Самообороны Т. Тамогами опубликовал эссе «Были ли японцы нацией-агрессором?». В нём утверждалось, что «продвижение японских войск в Китай основывалось на договорах и соглашениях с китайскими региональными военными правителями». Автор настаивал на том, что Япония была «жертвой», втянутой в войну с Китаем посредством актов терроризма и провокаций со стороны правительства Гоминьдана, которым якобы манипулировал Коминтерн, поставивший цель вовлечь Японию в гражданскую войну в Китае и приблизить победу коммунистических сил. Начальник штаба японской военной авиации также подчёркивал, что вступление Японии в войну на Тихом океане было результатом «попадания в силки, умело расставленные Соединёнными Штатами». Премьер-министр Японии Т. Асо расценил поступок Т. Тамогами как «не соответствующий его положению». 3 ноября 2008 г. военачальник был отправлен в отставку [7].

Но можно констатировать, что японские учёные, представляющие основное течение исторической науки, разделяют мнение об ответственности японского милитаризма за агрессивные войны и колониальное правление. В 2006 г. была сформирована объединённая группа китайских и японских учёных для проведения совместных исторических исследований. 31 января 2010 г. она опубликовала доклад, в котором

сформулировала итоги работы. Несмотря на некоторые расхождения (например, в оценке численности жертв Нанкинской резни 1937 г.), учёные двух стран были едины в выводах о том, что в Нанкине японская армия совершала массовые убийства военнопленных и мирных граждан, а также изнасилования, грабежи и поджоги и что Японо-китайская война 1937—1945 гг. была агрессией со стороны Японии [5].

Заметным событием в ведущейся в Японии дискуссии по поводу ответственности за агрессивные войны стал выход в 2006 г. книги «От моста Марко-Поло до Пёрл-Харбора. Кто несёт ответственность?» [4]. Это был результат работы Комиссии по новому изучению проблем ответственности за войны, созданной в августе 2005 г. в редакции крупнейшей японской газеты «Ёмиури». Материалы комиссии, посвящённые войнам «эпохи Сёва» (в японской системе летоисчисления период с 25 декабря 1926 г. до 7 января 1989 г., когда страной правил император Хирохито), публиковались в «Ёмиури» в течение года. На их основе были подготовлены две книги на японском языке и указанная монография на английском.

Анализируя Маньчжурский инцидент, журналисты «Ёмиури» возлагают главную вину на нескольких офицеров Квантунской армии, подстроивших 18 сентября 1931 г. взрыв железнодорожного полотна в окрестностях г. Мукдена. Что касается правительства, возглавляемого премьер-министром Р. Вакацуки, то оно якобы первоначально намеревалось урегулировать инцидент и не допустить операций Квантунской армии по захвату Маньчжурии. Но, пишут авторы книги, глава правительства проявил малодушие и не смог остановить генералов, руководивших вторжением императорских войск в маньчжурские провинции.

Впрочем, в монографии приводится высказывание государственного секретаря США Г. Стимсона, которое ставит под сомнение вывод о виновности в Маньчжурском инциденте исключительно японских военных. Когда Стимсон узнал о бомбардировках японскими войсками города Цзиньчжоу в октябре и ноябре 1931 г., а также об оккупации японцами Цицикара — столицы провинции Хэйлунцзян, — он «убедился, что гражданское правительство Японии не только не утратило способность сдерживать армию, но и в некоторых важных аспектах желало извлечь выгоду из действий военных» [4, с. 62].

С оккупации Маньчжурии началось продвижение японских войск в глубь Китая. Новым шагом Японии на пути агрессии стало использование японскими военными инцидента у моста Марко Поло (китайское название — Лукоуцзяо) на окраине Пекина для расширения военных операций в Китае. 7 июля 1937 г. японские войска, проводившие там манёвры, обстреляли китайский гарнизон, и китайцы ответили огнём. Началась полномасштабная война, которая не прекращалась восемь лет, вплоть до капитуляции Японии. Журналисты «Ёмиури» отмечают, что и в этом случае главными виновниками стали экспансионисты среди японских военных, в частности начальник оперативного отдела генерального штаба

А. Муто и начальник отдела военного министерства С. Танака. По инициативе этих офицеров началась подготовка трёх армейских дивизий к отправке в Китай, а позднее военный министр Х. Сугияма сумел убедить правительство Ф. Коноэ в необходимости такого шага.

В книге отмечается, что задачи Японии в войне против Китая были «плохо определены». В ноябре 1938 г. правительственный кабинет Ф. Коноэ выступил с заявлением, в котором сформулировал цель военных действий как «создание нового порядка в Восточной Азии». «Однако, — пишут авторы, — сегодня широко признано, что это заявление правительства Ф. Коноэ представляло собой лишь слабо обоснованное прикрытие, призванное хоть как-то оправдать стремление Японии обеспечить своё политическое и экономическое господство в Китае» [4, с. 33].

Несмотря на огромные людские потери и экономический ущерб¹, Китай стойко сопротивлялся. В это время в Европе шла война, в 1940 г. Франция и Голландия капитулировали перед нацистской Германией. 27 сентября 1940 г. Германия, Италия и Япония подписали Тройственный пакт. Его участники признавали «руководящее положение» Германии и Италии в Европе и Японии в Азии. В Токио инициатором подписания договора выступило высшее руководство вооружённых сил, которое надеялось за счёт налаживания сотрудничества с Германией добиться перелома в затянувшейся военной кампании в Китае. Однако подписание Японией Тройственного пакта означало её противопоставление США и Великобритании. Авторы исследования полагают, что это было фатальной ошибкой. «В этот период японское военное руководство в своём большинстве было настроено прогермански и не подозревало, какое влияние договор окажет на ход Японо-китайской войны. В результате Великобритания усилила поддержку режима Чан Кайши, США также обещали ему существенную помощь. Проявляя „политическую наивность“, Япония способствовала интернационализации Японо-китайской войны» [4, с. 280].

В сентябре 1940 г. японские войска вторглись в северную часть Французского Индокитая, а в июле 1941 г. — и в южную часть владений Франции в Юго-Восточной Азии. Грабительские мотивы «продвижения Японии на юг» изложены в книге вполне откровенно. «Осуществлённый Германией блицкриг поставил Британию, Францию и Голландию, имевшие колонии в Юго-Восточной Азии, в катастрофическое положение... В колониях указанных стран имелись крупные запасы нефти, каучука и олова. Япония исходила из того, что, заполучив эти ресурсы, она сможет добиться самообеспечения и избавиться от сырьевой зависимости от Великобритании и США» [4, с. 101].

В ответ на закрепление японских войск в Индокитае Вашингтон 26 июля 1941 г. заморозил японские финансовые активы в США, а 1 августа запретил экспорт нефти в Японию. На данном этапе война между

¹ По данным китайских учёных, за годы антияпонской войны общие военные потери Китая составили более 35 млн чел. Прямой экономический ущерб превысил 100 млрд долл., косвенный экономический ущерб — 500 млрд долл. [1, с. 130].

этими странами стала уже неизбежной. Логика агрессии привела Японию в тупик. В ходе продолжавшихся до 26 ноября переговоров между Вашингтоном и Токио американская сторона настаивала на выводе японских войск из Китая и из французских владений в ЮВА. «Некоторые люди с консервативными взглядами утверждают, что война против США была для Японии „войной самообороны“. В качестве аргументов они ссылаются на введённый США запрет экспорта нефти и на ноту госсекретаря США К. Хэлла, имевшую характер ультиматума. Однако давление, которое США оказывали на Японию с целью остановить её продвижение в Китае, в большой мере происходило от сделанных Японией „ошибочных оценок“. В известном смысле Япония сама загнала себя в пропасть», — говорится в книге [4, с. 230].

Исследователи «Ёмиури» обвиняют правительственный кабинет Х. Тодзё и высшее военное руководство Японии в том, что они приняли решение о начале войны против США, невзирая на огромный перевес Америки над Японией в экономике. Так, в 1940 г. объёмы производства стали в США и Японии соотносились как 24:1, объёмы добычи угля — 12:1, выработки электроэнергии — 4,5:1, производства самолётов — 8:1 [4, с. 115].

Работа журналистов «Ёмиури» производит глубокое впечатление масштабностью исследования и обилием использованных источников. В книге показана активная роль японской военщины в развязывании войн в 30—40-е гг. XX в. Порой имело место явление, обозначенное японским выражением «гэкокудзё» («низший подавляет высшего»), когда подполковники и полковники по собственной инициативе организовывали провокационные инциденты, а затем вынуждали генералитет и правительство на полный ход запускать механизм агрессии.

Тем не менее было бы упрощением рассматривать военных в качестве главных действующих лиц, определявших японскую политику агрессии. Внешняя экспансия не являлась самоцелью. Крупные концерны «дзайбацу» были заинтересованы в захвате зарубежных рынков и источников сырья. Но в рассматриваемой книге только вскользь упоминается об экономических интересах Японии в Китае и других странах Восточной Азии и не исследуется роль концернов в определении внешней политики страны.

В работе подробно освещены страдания и невзгоды японцев, в то время как жертвы и лишения народов других стран обозначены кратко, в несколько строк. Видимо, это связано с тем, что в данном исследовании в первую очередь ставится вопрос о вине в отношении японцев, а не о международной ответственности Японии. Комиссия по новому изучению ответственности за войны определяла вину именно за поражения в войнах: «...ответственность политических и военных лидеров Японии за провалы, которые означали предательство японцев и стоили населению внутри и за пределами страны больших человеческих жертв и материальных потерь» [4, с. 288]. Но такой подход выглядит весьма

прагматичным, если не сказать циничным: получается, что агрессия была плоха не сама по себе, а потому, что не принесла успеха.

Со второго полугодия 2014 г. в японской прессе возобновилась дискуссия по поводу причин и характера войн, которые вела Япония в 1930—1940-х гг. Рассмотрим некоторые из этих публикаций.

В сентябрьском номере журнала «Тью корон» за 2014 г. опубликована статья профессора Университета Тэйкё, доктора юридических наук Тобэ Рёити «Ради чего сражалась Япония?» [13]. Автор считает, что начавшиеся в Азии в 1931 г. военные действия и вспыхнувшую в 1939 г. войну в Европе следует рассматривать как две разные и первоначально не связанные между собой войны. Но почему они соединились? По мнению профессора Р. Тобэ, их объединение связано с затягиванием Японо-китайской войны. Так как китайский руководитель Чан Кайши не мог победить Японию только силами своего народа, он «стал возлагать надежды на столкновение Японии с державами и продолжал сопротивление японской армии. Первоначально Чан Кайши рассчитывал на столкновение Японии с Советским Союзом, но в процессе затягивания военных действий в Китае Япония стала склоняться к „продвижению“ на юг. Это привело к ухудшению отношений Японии с Америкой и Великобританией, и Чан Кайши обрёл надежду на возникновение войны Японии против США и Великобритании. В такой ситуации развернулась война в Европе. Короче говоря, Чан Кайши ставил целью добиться победы в войне с Японией за счёт втягивания США и Великобритании в войну в Азии или соединения войны в Азии с войной в Европе» [13, с. 127]. По мнению учёного, в Японии тоже думали об объединении двух войн. В частности, в армии крепили надежды на перемены мирового масштаба, которые обеспечили бы победу в затянувшейся Японо-китайской войне. Так, Савада Сигэру, назначенный в сентябре 1939 г. на должность заместителя начальника генерального штаба, полагал, что «в настоящее время трудно добиться положительного разрешения ситуации на китайском фронте — остаётся только использовать какой-либо благоприятный шанс, связанный с большими изменениями мирового плана» [13, с. 127]. Победное для вермахта начало военных действий в Европе японские военные расценили как тот самый шанс. Япония подписала Тройственный пакт, то есть связала себя с одной из воюющих сторон в Европе, а затем вторглась в колонии европейских держав в Юго-Восточной Азии, тем самым сознательно сделав выбор в пользу объединения войн в Азии и Европе. Р. Тобэ отмечает, что с нападением нацистской Германии на СССР и атакой Японии на Пёрл-Харбор «война в Азии и война в Европе полностью объединились, и военные действия в буквальном смысле приобрели характер мировой войны» [13, с. 127].

Анализируя характер Маньчжурского инцидента и Японо-китайской войны, Р. Тобэ подчёркивает: «Нельзя отрицать, что и в первом, и во втором случае речь идёт о военной агрессии Японии. В международном праве

отсутствует определение „агрессии“, однако с точки зрения истории нельзя считать, что агрессии не существовало. Если судить, исходя из различных исторических прецедентов, то не возникнет сомнений, что Маньчжурский инцидент и Японо-китайская война были актами военной агрессии» [8, с. 128]. Далее исследователь утверждает, что у Японии не было готового плана указанных кампаний (правда, по поводу Маньчжурского инцидента Тобэ замечает, что в штабе Квантунской армии всё-таки имелся «план заговорщиков»). «Планов не существовало, но в результате Япония пошла по пути агрессивных действий — поправки с применением оружия территории и суверенитета Китая», — пишет учёный [13, с. 128].

Переходя к оценке войны на Тихом океане, Р. Тобэ отмечает, что регионы, в которые «продвигалась» Япония — Французский Индокитай, британские владения (Малайя, Сингапур, Бирма), территории Голландии (Ост-Индия) и США (Филиппины), — представляли собой колонии европейских держав и Америки. «Если исключить Китай, то Япония совершила агрессию в отношении территорий, которые уже стали объектами агрессии. Но, конечно, по этой причине Японию нельзя освободить от ответственности за то, что она развязала войну на Тихом океане» — признаёт автор.

Затем он исследует выдвинутый в императорском указе об объявлении войны США, Великобритании и Голландии довод о том, что это была война «в защиту самостоятельного существования и самообороны» Японской империи. Принимая во внимание сильнейшее давление Соединённых Штатов на Японию во втором полугодии 1941 г., в частности введение экономических санкций (запрет экспорта нефти и пр.), учёный полагает, что в японской позиции присутствовал аспект самозащиты. Однако США оказывали давление на Японию потому, что её действия угрожали жизненным интересам Америки. Шаги Вашингтона нельзя рассматривать как одностороннее и беспричинное подталкивание Токио к войне. Исследователь резюмирует: «Необходимо обращать внимание на то, что понятия „защита самостоятельного существования и самооборона“, выдвинутые при объявлении войны, отличаются от тех значений, которые мы сегодня вкладываем в слова о „продолжении существования государства“. Тогда „защита самостоятельного существования и самооборона“ подразумевали удержание результатов Японо-китайской войны, а также сохранение положения и мощи Японии как империи. Следовательно, имелся и такой выбор — не рисковать судьбой государства и нации и не воевать против партнёра, победа над которым не гарантирована» [13, с. 129].

Что касается концепции «освобождения угнетённых народов колоний Великой Восточной Азии», то, по мнению Р. Тобэ, перед началом войны в документах, касавшихся государственной политики, эту проблему подробно не разрабатывали. Получили широкое распространение выражения «новый порядок в Великой Восточной Азии» и «сфера взаимного процветания Великой Восточной Азии», но их содержание было очень

неопределённо. «Откровенно говоря, цель войны на Тихом океане состояла в захвате важных ресурсов Юго-Восточной Азии, прежде всего нефти. Следует считать, что, хотя идея освобождения Великой Восточной Азии не отрицалась, среди приоритетных задач войны она не занимала высокого места», — делает вывод учёный [13, с. 129].

Концепция деколонизации Великой Восточной Азии получила более или менее чёткие очертания на «Конференции Великой Восточной Азии», проведённой под руководством Японии 5—6 ноября 1943 г. в Токио при участии представителей прояпонских коллаборационистских режимов: Государства Бирмы, Китайской республики (лидер — Ван Цзинвэй), Маньчжоу-го, Свободной Индии, Королевства Таиланд и Филиппинской республики. В опубликованной 6 ноября 1943 г. Декларации о Великой Восточной Азии провозглашались уважение самостоятельности и независимости каждого государства, а также традиций и созидательного творчества всех национальностей, устранение расовой дискриминации, развитие культурного обмена и свободное использование природных ресурсов. Таким образом, в ходе войны на Тихом океане Япония выдвинула в качестве принципиальных понятий войны «освобождение Великой Восточной Азии» и «поддержку колоний в деле обретения ими независимости». «Но это имело единственное объяснение: для ведения войны, в которой признаки поражения становились всё более явственными, Японии как никогда прежде необходимо было заручиться помощью и сотрудничеством со стороны местного населения, — подчёркивает Р. Тобэ. — И поскольку сама Япония обладала колониями и удерживала оккупированные территории, нельзя отрицать, что Декларация Великой Восточной Азии была преисполнена лицемерия» [13, с. 130]. Учёный констатирует, что к тому времени Япония не имела сил, чтобы конкретизировать и осуществлять принципы, провозглашённые декларацией. К концу 1943 г. в стране и её вооружённых силах всё было подчинено одной задаче — продолжать военные действия.

В интересном анализе доктора Р. Тобэ только два момента вызывают возражения. Неубедительны его утверждения, что Японская империя в 1930-х гг. не имела конкретных планов агрессии в отношении Китая. В этот период вооружённые силы Японии занимали ведущие позиции в политике страны, ставленники армии возглавляли правительственные кабинеты. А что же генералы в генеральном штабе и адмиралы в морском генеральном штабе? Они получали своё денежное вознаграждение напрасно? Странно звучат и обвинения Чан Кайши в провоцировании японской армии на дальнейшее расширение военных действий в Китае в 1937 г. К этому времени японская армия уже в течение 6 лет удерживала Маньчжурию — неотъемлемую часть Китая. Профессор по существу обвиняет лидера Китая в организации на собственной территории активных боевых действий против вторгшихся иноземных захватчиков. Очевидно, в данном случае Р. Тобэ пытался уравнивать субъект агрессии (Японию) с её жертвой (Китаем).

В сентябре 2014 г. в журнале «Бунгэй сьондзю» была опубликована статья председателя правления издательской группы «Ёмиури симбун» Ватанабэ Цунэо «Хочу передать премьер-министру С. Абэ мой взгляд на проблему святилища Ясукуни, основанный на собственном опыте» [9]. Автор подчёркивает, что посещения японскими политиками храма Ясукуни, который рассматривается за рубежом как символ милитаризма², вызывают протесты не только в Китае, РК и КНДР, но и в США [9, с. 258]. Ватанабэ Цунэо — весьма авторитетный эксперт в вопросах трактовки исторического прошлого. Именно под его руководством в редакции газеты «Ёмиури» в 2005 г. проводила работу Комиссия по новому изучению ответственности за войны, о которой говорилось выше.

Японский журналист излагает историю святилища Ясукуни и рассказывает, каким образом проводятся общенациональные церемонии поминовения погибших в войнах в США, Германии и Франции. Ц. Ватанабэ объясняет, что в культе Ясукуни «войны эпохи Сёва» рассматриваются как священные и в святилище поклоняются душам героев, «сделавших вклад» в «священные войны». «Исходя из исторического сознания, такой подход к Ясукуни нельзя считать уместным, — считает Ц. Ватанабэ. — Причина в том, что невозможно отрицать следующее: после вторжения японских войск в Маньчжурию эти военные действия превратились в большие войны из-за безрассудных шагов военщины по их расширению (первым случаем такого рода был инцидент у моста Лукоуцзяо), и „войны Сёва“ привели к многомиллионным людским жертвам» [9, с. 259].

Кроме того, Ц. Ватанабэ поднимает проблемы «токко» («особых атак» смертников) и «гёкусай» («предпочтение славной смерти бесчестию»). Автор подчёркивает, что в ходе войны на Тихом океане с переходом инициативы в руки противника военное руководство Японии пыталось использовать тактику «токко» как волшебное средство для изменения ситуации в свою пользу. Журналист отмечает, что очень часто японские военные — участники «особых атак» — шли на смерть не по велению души, а под давлением, подчиняясь приказам своих командиров. Инициатор применения тактики «токко» (атак лётчиков-камикадзе) генерал-лейтенант авиации Ониси Такидзиро впоследствии признавал, что такая тактика — «ересь учения о командовании войсками». Генерал покончил жизнь самоубийством на следующий день после капитуляции Японии [9, с. 269]. Что касается выражения «гёкусай» (дословно «разбитая яшма»), то его происхождение связано с «Сэндзинкун» («Наставлением для боевых действий»), изданным Тодзё Хидэки в 1941 г. во время его пребывания на посту военного министра. В этом документе содержался запрет военным служащим сдаваться в плен даже в безнадёжной ситуации: предписывалось «предпочесть смерть позору пленения». То есть в случае поражения солдатам и офицерам не оставалось никакого выбора кроме массовых

² Подробнее на эту тему см. [2].

самоубийств. В мае 1943 г. японский гарнизон о-ва Атту (группа Алеутских островов) вёл оборонительный бой против превосходящих сил американцев. Высшее военное командование проигнорировало просьбу гарнизона о подкреплении, и брошенные на произвол судьбы военные были поголовно уничтожены. Императорская ставка впервые использовала выражение «разбитая яшма» в официальном сообщении о потере острова Атту. Этот термин пускали в оборот после кровопролитных боёв на о-ве Сайпан и в других случаях, когда надо было приукрашивать поражения, сопровождавшиеся ужасными жертвами. Ц. Ватанабэ утверждает: «„Наставление для боевых действий“, выпущенное министром армии Х. Тодзё, — крайне бесчеловечный документ, и его автора нельзя простить как раз исходя из заботы о душах жертв» [9, с. 261].

Вспоминая о своей службе рядовым второго разряда в артиллерийском полку императорской армии в конце войны на Тихом океане, журналист пишет об отсутствии иллюзий у него самого и его сверстников относительно исхода войны: все прекрасно осознавали неизбежность поражения. Ц. Ватанабэ пишет о скудной солдатской пище — гаоляне и пустом, почти без ингредиентов супе мисо, повествует о ежедневных бессмысленных избиениях старослужащими солдатами: «...во рту у меня постоянно сочилась кровь, и я не чувствовал вкуса супа». Старослужащие солдаты испытывали удовольствие, мучая младших сослуживцев, т.к. прежде они терпели точно такие же издевательства и им хотелось выместить накопившуюся злобу и унижение [9, с. 262].

Формулируя своё мнение о проблеме ответственности Японии за войны, Ц. Ватанабэ резюмирует: «Правительство должно в порядке всеобъемлющего и общего понимания истории от имени народа признать несправедливость „войн эпохи Сёва“. На этой основе ему следует утвердить разделение понятий „виновники войн“ и „пострадавшие в войнах“, изложить в учебниках для обязательного образования нравственные критерии относительно исторического сознания и в международной политике поставить точку в этом вопросе» [9, с. 260].

В январском за 2015 г. номере журнала «Тюо Корон» опубликована статья доктора искусствоведения Ямадзаки Масакадзу «Послевоенное 70-летие с точки зрения теории интеллектуального общества» [14]. В работе изложена, на наш взгляд, очень ёмкая и точная, хотя и горькая для японцев, характеристика Второй мировой войны и роли, которую играла в ней Япония. «Вторая мировая война была первой по-настоящему идеологической войной человечества. Все участвовавшие в ней страны воевали, не только отстаивая свои государственные интересы, но и выдвигая собственные понятия о справедливости. Война была столкновением союзных государств, отстаивавших демократию, и стран оси — сторонников системы империалистической диктатуры. В результате потерпевшие поражение Япония и Германия не только понесли ущерб с точки зрения государственных интересов, но и были опозорены как

преступники в плане нравственности. В эпоху, когда в мировом масштабе империализм приближался к своему концу, а демократия как политическая идеология последовательно занимала преимущественное положение, Япония, „запрыгнувшая в последний автобус империализма“, ошибочно истолковала тенденции времени и в итоге испытала унижение» [14, с. 116—117]. Что касается непосредственных виновников трагедии, М. Ямадзаки подчёркивает отсутствие ясности в отношении сил, ввергнувших Японию в пучину войн: «К несчастью, общественные структуры, подталкивавшие Японию к войне, крайне неопределённые, и представления о них туманны. Конечно, в центре были военные круги как группа, обладающая реальной силой. Факт, что военщина направляла всё общество... Но в японских военных кругах не было харизматического лидера, подобного Гитлеру, они не имели последовательного мировоззрения, оформленного в догмы, и даже в плане организации военщина была настолько несовершенна, что нередко возникали явления „гэкокудзэ“ („низший подавляет высшего“). Далее учёный объясняет, что разрушение японской политики после Маньчжурского инцидента началось из-за бесконтрольности военщины. Роль соучастника сыграло популистское общественное мнение, представленное газетами, и, как считает М. Ямадзаки, «этот процесс можно рассматривать почти как стихийное бедствие». «Популизм, — подчёркивает учёный, — это явление, когда после образования определённой атмосферы имеет место взаимное подстрекательство масс при том, что намерения, планы и ответственные лица остаются неопределёнными. Особенность популизма состоит в том, что при возникновении соответствующей „атмосферы“ в ней набирают господствующую силу экстремистские настояния. Война на Тихом океане была результатом действия такой механики» [14, с. 118].

Надо полагать, что в оставшееся до памятной даты 70-летия окончания Второй мировой войны время японские учёные продолжают активную дискуссию по вопросам ответственности Японии за войны. В начале текущего года была озвучена и официальная позиция японского руководства по данной проблеме.

1 января 2015 г. опубликовано Новогоднее послание Императора Акихито. В нём, в частности, говорится: «Я полагаю, что при обдумывании направления дальнейшего развития нашей страны нам важно использовать данную возможность изучить и обрести знания по истории этой войны, начавшейся с Маньчжурского инцидента 1931 г.» [6]. В ходе первой в наступившем 2015 г. пресс-конференции премьер-министр С. Абэ подчеркнул, что заявление его правительства по поводу 70-й годовщины окончания войны будет составлено на основе «коллективной мудрости, содержать раскаяние по поводу Второй мировой войны, положения о шагах, предпринятых Японией после войны в качестве миролюбивой нации, и о вкладе, который Япония намерена сделать в развитие Азиатско-Тихоокеанского региона и мира». Далее он продолжил: «Как я всегда

говорил, правительственный кабинет Абэ придерживается позиции признания (действий Японии во время войны — *Прим. В.Г.*), сформулированной всеми предыдущими правительствами, включая и заявление Т. Мураямы³. Более того, мы будем и впредь придерживаться этой позиции» [6].

Генеральный секретарь кабинета министров Японии Суга Ёсихидэ заявил по телевидению, что правительство «унаследует во всей полноте» подходы, изложенные в заявлениях премьер-министра Т. Мураямы и премьер-министра Дз. Коидзуми в связи с 50-летием и 60-летием окончания Второй мировой войны.

Что касается реакции КНР на высказывания представителей японского руководства, то она была сдержанной. На просьбу дать комментарии на Новогоднее послание императора Японии и на заявление премьер-министра С. Абэ официальный представитель Министерства иностранных дел КНР ответила: «Мы внимательно следим за тем, какую позицию занимают правительство и руководители Японии и какое послание они направляют, когда речь идёт об истории агрессии. Пытаются ли они затушёвывать эпизоды истории?.. Или они предпочитают легко следовать путём искренности и глубокого переосмысления агрессии? Мировое сообщество настороженно наблюдает за этим» [6].

23 февраля 2015 г. министр иностранных дел КНР Ван И как председатель открыл дебаты в Совете безопасности ООН по пункту «Сохранение международного мира и безопасности». Пользуясь возможностью, он привлёк внимание участников заседания к приближающейся 70-й годовщине окончания войны против фашизма и отметил, что по-прежнему имеются политики, которые отрицают реальность истории и факты агрессии. Представитель Японии в ООН Ёсикава Мотохидэ в ответ заявил, что «Япония, исходя из глубокого переосмысления войны, следовала путём миролюбивой страны и в поддержке международного мира и безопасности придавала особое значение свободе, демократии и верховенству права. Япония будет неизменно идти этим путём» [6].

Можно предполагать, что официальное заявление премьер-министра С. Абэ в связи с 70-летием окончания Второй мировой войны будет выдержано в пацифистском ключе и что лидер Японии озвучит свою приверженность заявлению Т. Мураямы. Вместе с тем можно прогнозировать, что линия правительственного кабинета С. Абэ в вопросах трактовки исторического прошлого будет непоследовательной. Несмотря на резкие протесты за рубежом, японское руководство не отказывается от ритуальных посещений храма Ясукуни. Вероятно, останутся неразрешёнными противоречия с Республикой Корея в связи с проблемой компенсации

³ Заявление премьер-министра Японии Т. Мураямы 15 августа 1995 г. по случаю 50-летия окончания Второй мировой войны содержало извинение за то, что Япония «своим колониальным господством и агрессией причинила огромный ущерб народам других, в особенности азиатских, стран». Заявление вызвало большой международный резонанс [3, с. 64].

бывшим «дзюгун ианфу» («женщинам для утешения при армии» — кореянкам, которых принуждали оказывать сексуальные услуги японским военнослужащим в полевых борделях во время Японо-китайской войны и войны на Тихом океане). Видимо, японская сторона так и не согласится выполнить требования Республики Корея выплатить компенсации тем южнокорейским гражданам, которые в годы войны были мобилизованы для принудительного труда на японских предприятиях. Наряду с проблемой храма Ясукуни и японо-южнокорейским спором по поводу островов Токто/Такэсима эти вопросы останутся причиной серьёзного кризиса в отношениях Токио с Сеулом. За время пребывания С. Абэ на посту премьер-министра Японии и Пак Кын Хе на посту президента Республики Корея лидеры двух стран не провели ни одной официальной встречи.

Таким образом, в японском обществе отсутствует единство мнений относительно того, кто несёт ответственность за захватнические войны 1930—1940-х гг. В связи с приближением 70-летия окончания Второй мировой войны в японской прессе активизировалась дискуссия на эту тему. Вину за милитаристскую политику возлагают главным образом на военные круги Японии. Сохраняется непоследовательность правительства Японии в трактовке исторического прошлого. Это по-прежнему осложняет отношения Японии с другими странами, прежде всего с Китаем, РК и КНДР.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Го Сянган. Китай и СССР спасли человеческую цивилизацию, сражаясь плечом к плечу во время Второй мировой войны // Роль СССР и Китая в достижении победы во Второй мировой войне: сб. материалов конф., организованной Институтом Дальнего Востока РАН и Китайским институтом международных исследований МИД КНР. М.: ИДВ РАН, 2012. 163 с.
2. Гринюк В.А. Политические проблемы храма Ясукуни // Проблемы Дальнего Востока. М., 2010. № 4. С. 38—52.
3. Цветова И.А. Эволюция современной партийно-политической системы Японии. М.: ИДВ РАН, 2002. 200 с.
4. From Marko-Polo Bridge to Pearl Harbor. Who Was Responsible? // Tokyo. The Yomiuri Shimbun, 2006. 414 p.
5. The Japan Times. 01.02.2010.
6. Przystap James J. Gaining Traction // Comparative Connections. Center for strategic and international studies. URL: http://csis.org/files/publication/1501qjapan_china.pdf (дата обращения: 05.2015).
7. Przystap James J. Japan-China Relations. Gyoza, Beans and Aircraft Carriers // Center for strategic and international studies. URL: http://csis.org/files/media/csis/pubs/0804qjapan_china.pdf (дата обращения: 05.2015).
8. 別宮暖朗, 兵頭二十八. 東京裁判の謎を解く = Бэцумия Данро, Хёдо Нисохати. Разгадывая загадки Токийского процесса. Токио, 2007. 377 с.
9. 渡邊恒雄. 安倍首相に伝えたい「わが体験的靖国論」 = Ватанабэ Цунэо. Хочу передать премьер-министру Абэ мой взгляд на проблему Ясукуни, основанный на собственном опыте // Бунгэй сундзю. Токио. 2014. № 9. С. 254—264.

10. 小堀桂一郎。靖国神社と日本人 = Кобори Кэйитиро. Храм Ясукуни и японцы. Токио, 2005. 278 с.
11. 戦後日本外交史 = Послевоенная история японской дипломатии. Т. 2. Токио, 1983. 385 с.
12. 高橋哲也。2010年の戦争責任論 = Такахаси Тэцую. Теория ответственности за войны в 2010 г. // Сэкай. 2010. № 1. С. 181—192.
13. 戸部良一。日本は何のために戦ったのか = Тобэ Рёити. Ради чего сражалась Япония? // Тюо корон. Токио. 2014. Сентябрь. С. 126—133.
14. 山崎正和。知識社会論的観点から戦後70年をみる = Ямадзаки Масакадзу. Послевоенное семидесятилетие с точки зрения теории интеллектуального общества // Тюо корон. 2015. Январь. С. 116—127.

REFERENCES

1. Go Shyangan. Kitai i SSSR spasli chelovecheskuyu tsivilizatsiyu, srazhayasy plechom k plechu vo vremya vtoroi mirovoi voinui [China and USSR saved the human civilization fighting shoulder to shoulder during World War II]. *Rol' SSSR i Kitaya v dostizhenii pobedui vo vtoroi mirovoi voine. Sbornik materialov konferentsii, organizovannoi Institutom Dal'nego Vostoka RAN i Kitaiskim institutom mezhdunarodnuikh issledovanii MID KNR* [The role of USSR and China in getting the victory in World War II. Collection of materials for the conference held by Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences and Chinese Institute of International Research of the Ministry of Foreign Affairs of PRC]. Moscow, IDV RAN Publ., 2012, 163 p. (In Russ.)
2. Grin'uk V.A. Politicheskiye problemui hrama Yasukuni [Political issues of Yasukuni shrine]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. Moscow, 2010, no. 4, pp. 38—52. (In Russ.)
3. Tsetova I.A. *Evolutsiya sovremennoi partiino-politicheskoi sistemy Yaponii* [Evolution of modern party and political system of Japan]. Moscow, IDV RAN Publ., 2002, 200 p. (In Russ.)
4. From Marko-Polo Bridge to Pearl Harbor. Who Was Responsible? Tokyo. *The Yomiuri Shimbun*, 2006, 414 p. (In Eng.)
5. The Japan Times. 01.02.2010.
6. Przystap James J. *Gaining Traction*. Available at: http://csis.org/files/publication/1501qjapan_china.pdf (accessed 05.2015). (In Eng.)
7. Przystap James J. *Japan-China Relations. Gyoza, Beans and Aircraft Carriers*. Available at: http://csis.org/files/media/csis/pubs/0804qjapan_china.pdf (accessed 05.2015). (In Eng.)
8. Betsumiya Danro, Hyodo Nisohachi. *Tokyo saiban no nazo o toku* [Unravelling the secrets of the Tokyo Trials]. Tokyo, 2007, 377 p. (In Japan.)
9. Watanabe Tsuneo. Abe shyushyo ni tsutaetai vaga taiken teki Yasukuni ron [I want to tell Prime Minister Abe about my angle to the Yasukuni issue based on my own experience]. *Bungei shyunzyu*. Tokyo, 2014, no. 9, pp. 254—264. (In Japan.)
10. Kobori Keiichiro. *Yasukuni dzindzya to nihondzin* [Yasukuni shrine and the Japanese]. Tokyo, 2005, 278 p. (In Japan.)
11. *Sengo nihon gaikoshi. Daini kan* [The post-war history of Japanese diplomacy. Vol. 2]. Tokyo, 1983, 385 p. (In Japan.)
12. Takahyashi Tetsuya. Nisendzyu nen no senso sekinin ron [Theory of responsibility for wars in 2010]. *Sekai*. 2010, no. 1, pp. 181—192. (In Japan.)
13. Tobe Ryoichi. Nihon wa nanno tameni tatakatta no ka [What did Japan fight for?]. *Chuo koron*. Tokyo, 2014, September, pp. 126—133. (In Japan.)
14. Yamazaki Masakazu. Chishiki shyakai ron teki kanten kara nanadzyu nen o miru [The post-war 70 years from the viewpoint of an intellectual society]. *Chuo koron*, 2015, January, pp. 116—127. (In Japan.)